

Тетя Клава

Она ворвалась в мою детскую память шуршанием шелкового платья, ароматом духов и громким смехом.

Помнится, в день моих восьмых именин, когда за столом сидели сверстники из нашего двора, а бабушка за всеми ухаживала, пришла мама с незнакомой женщиной высокого роста и коробкой в руках.

"Ну, Бетька, — сказала она маме, — покажи своего отпрыска". Мать подвела незнакомку ко мне. "Клавдия Ивановна, для тебя тетя Клава", — сказала она, вручая мне коробку, и поцеловала в щеку. Мелкие оспинки на ее щеках были тщательно запудрены. Я назвал свое имя. "Как, как?" — переспросила она и звонко рассмеялась. "Бетька! — обратилась она к матери. — Почему Муся? Он ведь Михаил!" Мать пыталась ей что-то объяснить, но тетя Клава продолжала хохотать. "Ладно, — сказала она, — будешь для меня Пусик". Потом мать села за пианино, а тетя Клава спела романс "Снова пою песнь свою" — "Для распевки", — сказала она и, прошуршав своим платьем, выплыла из комнаты на очередной концерт. Так я познакомился с Клавдией Ивановной Шульженко.

Об истории знакомства нашей семьи с Клавдией Шульженко мне рассказал дед Борис, отец моей матери. Дед Борис родился и вырос в украинском городе Чигирин. С детства и до глубокой старости у него было два друга — Женя Швец и Иван Шульженко. Повзрослев, дед и Швец перебрались в Одессу, а Иван в Харьков, но дружить продолжали и навещали друг друга. Дед Борис и друг Швец поселились в одном дворе на Тираспольской улице. Там и поженились на подругах — дед Борис на Циле, а Швец на Эльзе. Через год поехали в Харьков на свадьбу Ивана. Все это было век назад, задолго до революции. Дед приобрел специальность красителя на фабрике ниток, Швец выучился на закройщика, а Иван окончил школу счетоводов и устроился на железную дорогу. Так и проработали они всю свою жизнь, не меняя профессию и место работы. Первое прибавление в семьях друзей было у Ивана — в 1906 г. у его жены Веры родилась дочь Клавдия. Еще через два года родилась моя мать Бетя (Берта), а у Швецов так детей и не было. Но дружба продолжалась. На рождественские праздники ездили к Ивану, на еврейский новый год к деду Борису — и всегда с детьми. Помню еще с дошкольных лет, мать посылала какие-то ноты в Харьков подружке Клаве, а дед Борис принимал гостей из Харькова. И в эти дни меня приводили туда, но лиц их я не помню, а вот

буденовские усы у всех троих запомнил, и что все они одинаково хорошо говорили и на русском, и на еврейском языках с доброй половиной украинского, что для меня было полной абракадаброй.

Когда родилась Клава, дед Борис стал ее крестным. А когда на Украине был голод, а в Харькове особенно, дед Борис и Швец посылали Ивану "*абиселе харчуваня*", как говорил дед. Дед Борис среди друзей был самым авторитетным и сохранил ясность ума до последних дней. Умер он в санатории, отпраздновав свои 94 года и выиграв в карты приличную сумму. Лег спать и не вышел к завтраку. Дед прекрасно играл на пианино по слуху, не зная ни одной ноты. Он пережил своих друзей. В год моей демобилизации, в 1946 году, умер дядя Женя Швец. На похороны из Харькова приехал больной Иван Иванович Шульженко с женой Верой, а из Москвы ставшая известной на всю страну Клавдия Ивановна с мужем Владимиром Коралли и сыном Игорем. Поразило меня, что дядю Женю, прекрасно говорящего на еврейском языке, а дома с женой Эльзой только на идиш, отпевал священник. Оказывается, Евгений Степанович Швец был чистокровным украинцем и посещал церковь. В знак траура тетя Клава не дала ни одного концерта в Одессе. Через два дня я и мама проводили ее на вокзал. Она достала из сумки перочинный нож и, обращаясь ко мне, сказала: "Смотри, Пусик, как я храню твой подарок!". Через два года ушел из жизни Иван Шульженко, и дед Борис поехал в Харьков проводить последнего друга. Вернулся оттуда совсем седым и подавленным.

Удивительная штука наша жизнь. Дважды я встречал тетю Клаву во время войны. Первый раз в 1943, под Новороссийском. После десанта на Мысхако остатки нашего отряда морской пехоты доставили на отдых и переформирование в поселок Кабардинка. Там же расположился полевой госпиталь. Весть о прибытии артистов разнеслась мгновенно. На поляне за госпиталем сдвинули два грузовика, откинули борта — и сцена готова. Подошел автобус с артистами. Народу уйма — кто на костылях, кто на носилках; на палатках с ранеными откинули пологи. Что там объявляли, я слышал плохо из-за контузии, но Клавдию Ивановну я узнал сразу. Пела она под аккордеон. После концерта я подошел к ней и тихо окликнул. Она долго всматривалась, видимо, бинт на голове моей смущал ее. "Ой, Пусик", — ойкнула она, заплакала и присела на корточки. Кто-то ей подставил табуретку. И я увидел у нее под эстрадным платьем ватные брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Всех артистов покормили в столовой и что-то дали с собой. Чтоб вскрывать банки с тушенкой, я подарил тете Клаве трофейный карманный нож "Золинген" со множеством при-

способлений. Я ей дал бумажку с адресом родителей. Обняла меня тетя Клава и, перекрестив, вытерла слезы. Она села в сигналивший обшарпанный автобус, который, рванув с места, быстро скрылся из вида.

Второй раз, в 1944 г., в Батуми она пела со своим джаз-оркестром в городском саду. После концерта она с мужем пришла к моим родителям. За разговорами рассвет пришел.

В 1946 г. во избежание тлетворного влияния Запада джаз-оркестры разогнали. Слава Клавдии Шульженко росла с каждым годом. Ее репертуар и манера исполнения пользовались огромным успехом. С концертами она объездила всю страну. Миллионный тираж грамзаписей раскупался мгновенно.

Последний раз я виделся с Клавдией Ивановной в 1979 г. в Сочи. Я обратил внимание на ее болезненный вид. "Хреново я себя чувствую, Пусик, — сказала она. — Вот, живу с Бетькой в Москве — и не видимся, все время в разъездах". После концерта она выглядела очень уставшей, исчез ее знакомый смех. Я не смел задерживаться.

Мать моя, переехав в Москву, видела Клавдию всего дважды: когда ей присвоили звание народной артистки и когда она умерла, 17 июня 1984 г. На кладбище мать не пошла — сама плохо ходила. Еще мать мне говорила, что личная жизнь Клавдии сложилась неудачно, но подробностей не рассказывала. Она была отменная певица, мастер музыкального слова и только эстрадная, с только ей присущей манерой исполнения. Если кто-то помнит ее "Челиту", "Голубку", "Руки", "Записку" — тот поймет, что я этим хотел сказать.

Но всему свое время, и прошлое покрывается паутиной забвения. Но вдруг сквозь эту паутину вырывается лучик из прошлого, и ты счастлив от соприкосновения с былым. Недавно одна молодая певица исполнила несколько песен "из репертуара Клавдии Шульженко", — как объявила она, не называя ни композиторов, ни авторов этих известных песен.

Конечно, это было не то, но спасибо, что вспомнили.

Стрельба стихами Одесские писатели в "прицелах" друг друга

"Стрельба стихами" — такая рубрика была заведена в журнале "Чудак" в 1930 году. В ней можно было встретить реплики, эпиграммы, комментарии, отзывы по любому животрепещущему вопросу современности, связанному с литературой и искусством. Нечего и говорить, что большинство материалов состояло из эпиграмм в 2-4 строки, посвященных только что изданной книге, подборке стихов или разразившемуся литературному скандалу.

Особой новинки в этом начинании не было: везде, где сохранялась любовь к литературе, где существовало какое-либо общение между пишущими стихи и прозу, не обходилось без обмена мнениями, без заинтересованных разговоров и споров, принимающих порой причудливые формы, от восхищения до издевки.

Одним из ярких проявлений такого рода общения было содружество молодых людей, покоренных любовью к поэзии и живших в Одессе в начале XX века. Их было много — разных по своему возрасту, полу, развитию, образованию, социальному и материальному положению... Литература целиком и полностью владела их умами. Потому и реакция на творчество друг друга облекалась в литературные формы: появлялись мадригалы, эпиграммы, сатиры, пародии, статьи, рецензии... Требовать от них объективности было неразумно: молодой задор, категоричность, уверенность в собственной правоте исключали сомнения, колебания, нерешительность. Нужно было не только отозваться о работе коллеги, но и (что не менее важно!) продемонстрировать свою позицию, свое умение разбираться во всем и ставить точки над "i".

Никто не был застрахован от жесткой критики: перестрелка велась обоюдная — нападающий сегодня мог оказаться завтрашней жертвой. Перехлесты наблюдались во всем — в оценке событий, личностей, произведений... Создание эпиграмм сплошь и рядом диктовалось сведением личных счетов, потому немало их появлялось без подписи. Нельзя сказать, что критериями во взаимных оценках служили классические достижения литературы. Многие в отношениях молодых поэтов шло от чрезмерного самомнения, от противопоставления признанным авторитетам, от упрямого сопротивления поэтическим традициям. И тем не менее, их содружество подтвердило тезис: ничто так не сближает людей, как поэзия.